УДК 394 + 392(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/68/13

3. Надь

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ЖИЗНИ. ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ХАНТЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются последствия массовых переселений в Западную Сибирь в результате сталинских репрессий 1930–1950-е гг., обусловивших динамику взаимоотношений спецпереселенцев и коренного населения – хантов. Предметом анализа стали воспоминания участников событий и их потомков, собранные автором между 1992 и 2012 гг. Анализ полевых материалов показывает, что воспоминания спецпереселенцев и хантов на уровне индивидуальной памяти не противоречат, а дополняют друг друга. Эпоха переселений стала историей мученичества, «васюганской Голгофой» как для переселенцев, так и для хантов, «культурной травмой», которая и сегодня играет заметную роль в формировании местной идентичности.

Ключевые слова: ханты; переселение; память; культурная травма.

С 1930 по 1949 г. на территории бывшего Советского Союза прошло несколько волн массовых депортаций считавшихся политически нежелательными лиц, представителей этносов, коллективно объявленных преступными. Одной из основных принимающих территорий был тогдашний Нарымский край. Общее количество переселенных сюда лиц известно только приблизительно, но, несмотря на высокий уровень смертности, а также на массовое возвращение переселенцев после смерти Сталина в Каргасокском районе, включающем р. Васюган, количество спецпереселенцев и их потомков и сегодня превышает 70%. [1–3].

Аналогично демографическим данным современный образ области и района формируется сегодня через призму репрессий. Не подвергающийся сомнению ужас переселений, о которых десятилетиями нельзя было говорить, сегодня играет заметную роль в формировании местной идентичности. Это действительно драматическое событие, ставшее травмой, превратилось в так называемую «культурную травму» [4], определяющую территориальную память и политические дискурсы.

В этой истории мученичества, кажется, нет места людям, коренным жителям, проживавшим здесь еще до депортаций. Может показаться, что если коренное население включить в нарративы памяти, тогда переселенцы уже не могли бы быть первыми, и история их страданий утратила бы свою значимость. Словно неоспоримые мучения стали бы бессмысленными, если бы край с невыносимыми для жизни условиями был чужой родиной.

Между тем время депортаций было и для хантов серьезным потрясением. Количество жителей территории с ранее очень малой плотностью населения за одно десятилетие выросло в несколько раз. Хантыйские деревни разрослись за счет «спецов», на их кладбищах, охотничьих и рыболовных территориях построили деревни, на охотничьих угодьях вырубали

леса. Ханты за немногим более чем одно десятилетие превратились из подавляющего большинства в ничтожное меньшинство. И сами ханты проживают историю прошедших десятилетий в нарративе утрат, этим также определяются их воспоминания.

В личных воспоминаниях хантов и переселенцев есть существенное расхождение, ведь известно, что именно различный общественный опыт, точнее, его различный политический вес является тем, что ведет к общественной амнезии. По мнению же Е. Ренана [5], национальную – в данном случае региональную – идентичность определяет диалектика памяти и забвения: история хантов предается забвению, чтобы лучше помнилась история переселений. Может быть, лучше представляет эту ситуацию Алеида Ассманн, по словам которой, память переселенцев является частью *функциональной памяти*, коллективной памятью, подкрепленной памятью индивидуальной, памятью, обуславливающей гомогенную идентичность данного региона, объединяющей, способной мобилизовать людей, служащей отправной точкой в современных политических вопросах и определяющей характер политических и культурных дискурсов [6]. Память же коренных жителей является частью *накопительной памяти*, так как она существует только в личных воспоминаниях, не обладающих политическим потенциалом, переходит в пассивное состояние, не может быть частью национальной – в данном случае *областной* – идентичности и даже, возможно, противоположна ей. Воспоминания коренных жителей, хантов, таким образом, – немые свидетельства, они замалчиваются на всех местных форумах, и следа их нет в дискурсах об «отечестве» и «родине»¹.

Таким образом, воспоминания переселенцев и хантов представляют собой конкурирующие дискурсы, по сути дела, исключают друг друга. Это положение кажется совершенно справедливым в отношении публичных дискурсов, но не в отношении личных воспо-

минаний. Воспоминания хантов и переселенцев имеют бесчисленное количество совпадений. Эпоха переселений как для переселенцев, так и для хантов – история мученичества, оба народа являются частью «васюганской Голгофы». Оба народа во главу угла ставят в первую очередь собственные мучения, признавая или, скорее, даже не признавая хождение по мукам другой стороны, как будто бы два вида мучений соревнуются друг с другом. На самом деле две истории не противоречат друг другу, в действительности они не конкуренты, а товарищи по несчастью: и мучения, и их антагонизм породила одна политика.

В настоящей работе предметом пристального внимания стали только темы, которые касаются взаимоотношений этих двух групп. По моему убеждению, в данных историях прекрасно прослеживается динамика, определившая взаимоотношения коренного населения и переселенного в Западную Сибирь, ставшего большинством общества. Предмет анализа – только устные воспоминания, которые собраны мной в результате полевой работы в Сибири, проводившейся между 1992 и 2012 гг., и представлены огромным количеством дневниковых записей, а также обработки почти 50 часов записей интервью. Я имел возможность разговаривать в первую очередь с теми, кто ребенком пережил период переселений, так как к тому времени более 70 лет отделяло период переселений от воспоминаний о них, а также с теми, кто происходил из семей спецпереселенцев. Мои собеседники и сегодня живут на территории интересующего меня более всего Каргасогского района либо родом оттуда, т.е. их переселили на территории вдоль Васюгана.

Взаимоотношения переселенцев и хантов почти во всех случаях описываются как мирные. Сами переселенцы так же оценивают эти отношения, иногда даже подчеркивая, что их взаимоотношения с хантами были более гармоничными, чем у хантов с русскими, которые еще до переселений добровольно поселились на Васюгане. Несмотря на мирные взаимоотношения, мы часто встречаемся с такими текстами, согласно которым каждая сторона имеет серьезные предубеждения, стереотипы относительно другой стороны. Ханты в глазах переселенцев – несмотря на то, что последние нуждались в них в начальный период – были воплощением всех тех свойств, в которых в соответствии с русским общественным мнением выражался экзотизм малых народов Сибири. Это негативное мнение получило резонанс у хантов, так как, несмотря на то что в своих воспоминаниях взаимоотношения с детьми переселенцев в интернатах и приютах ханты обычно называют бесппроблемными, подчеркивая мультиэтнический характер этих учреждений, все же всплывают истории, в которых клеймят и ущемляют хантов.

Переселенцы связывали с хантами резко отличающийся от их собственного образ жизни, рыболовство и охоту, которые, несмотря на то что часто обеспечивали им выживание, считались примитивными в их глазах. Кочевой, лесной образ жизни переселенцы всегда связывают с хантами, резко противопоставляя его оседлому деревенскому образу жизни русских. Переселенцы считали хантов отличными рыболовами и

охотниками, как обычно идеализированных детей природы, и связывали с ними необыкновенное богатство и девственность природы. Один переселенец так вспоминал об Озерном: «Допустим, надо тебе уху сварить, пойдй, ведром зачерпни, и хватит на уху».

Ханты, напротив, считали переселенцев «врагами народа», приняли их как преступников, благодаря предварительной работе государственной пропаганды, постоянно стремившейся ограничить связь переселенцев со всеми прочими местными жителями. Естественно, это затруднило первые встречи, и необходимо было время, пока ханты смогли перешагнуть через это.

Первой точкой пересечения историй о депортации является вопрос о помощи. Ханты в связи с переселением прежде всего подчеркивают, что переселенцы благодаря им пережили начальный период. Переселенцы, по рассказам, неспособны были содержать сами себя, с одной стороны, потому что прибыли сюда практически без оснащения, с другой – потому что их переселили сюда из других природных условий, с территорий, требовавших другого образа жизни, поэтому они с трудом могли приспособиться к местным условиям, в глазах хантов они были «неумелыми, беспомощными».

Помощь принимала разные формы. Чаще всего ханты говорят, что они снабжали переселенцев едой, спасли их от голодной смерти и дали им необходимую одежду. Порой ханты приглашали в гости в свои дома, в первую очередь затем, чтобы накормить. Может быть, еще большей помощью было то, что они научили переселенцев хитростям выживания, помогали в создании условий, пригодных для жизни.

Тот факт, что ханты способствовали выживанию переселенцев, является частью памяти русских. Эта помощь часто представляется как дружба, как такие отношения, когда дети регулярно ходят в гости в хантыйские семьи, и не в последнюю очередь потому, что там они по крайней мере могут регулярно питаться. Поскольку у переселенцев практически никаких инструментов не было, наибольший шанс остаться в живых был у тех, кто смог наладить отношения с семьей хантов, которая помогала переселенцам в самых важных работах и в приобретении основных инструментов, необходимых для выживания. В других воспоминаниях переселенцы видят свои отношения с хантами как более уравновешенные, менее бескорыстные меновые отношения. В зависимом положении они вынуждены были обменивать множество вещей, которые не хотели бы никоим образом отдавать, и чувствовали, что ханты извлекали выгоду из их бедственного положения. Из меновых отношений каждый, естественно, пытался извлечь выгоду, русские часто подпаивали хантов, чтобы добиться более выгодных условий обмена.

Взаимоотношения с переселенцами ханты рассматривали как отношения, основанные на абсолютно бескорыстной помощи. Однако вынужденная помощь означала для них и тяжелое бремя, значительно усложнила их жизнь. Серьезной проблемой было и то, что ничуть не изменившееся количество природных ресурсов нужно было распределять на гораздо большее количество людей.

Зависимое положение переселенцев, их нищета приводили к тому, что они начали воровать у хантов, что было еще одной причиной конфликтов. Воровство в хантыйском обществе считалось тяжелым преступлением, именно поэтому переселения часто считают началом моральной гибели хантыского общества. Это особенно интересно, потому что сегодня русские считают хантов маргинализированным, люмпенизированным, морально и экзистенциально опустившимся народом, в то время как ханты видят источником своего морального разложения русских. Очевидно, что с этим можно связать и бесчисленное количество раз упоминающийся в воспоминаниях хантов топос, что «до русских» они никогда не закрывали свои дома: замков вообще не использовали, а двери пустого дома снаружи просто подпирали колом так, чтобы было хорошо видно.

То, что ханты в первые годы жили в большей безопасности, чем переселенцы, был серьезным стимулом для женщин-переселенцев выйти замуж за мужчину-ханта. Еще чаще случалось, что семьи переселенцев выдавали своих дочерей за хантов, чтобы обеспечить пропитание хотя бы им, вернее, чтобы через детей родители были связаны с такой семьей и могли рассчитывать на помощь. Воспоминания часто указывают на то, что это были откровенные браки по расчету.

Переселенцы рассматривали такие смешанные браки как жертвы, приносимые ради выживания. Этот полутон, естественно, не является частью воспоминаний хантов. Более того, у них даже не возникло мысли, что такая брачная практика имела, очевидно, негативное влияние на хантыскую культуру. После трудностей первых лет в подавляющем большинстве случаев образ жизни смешанной семьи видоизменялся по русскому образцу, а под влиянием централизации такие семьи быстро переселялись в центральные населенные пункты. Общие дети в первую очередь выучивали русский язык. В молниеносной русификации васюганских хантов, вне всякого сомнения, исключительно важную роль сыграли смешанные браки.

Побег, когда многие из переселенцев, используя географические особенности местности, попытались бежать к местам своего прежнего жительства или вообще на «большую землю», является повторяющимся элементом воспоминаний как переселенцев, так и хантов. Важнейшее направление вело через Васюганское болото на запад, юго-запад. Торговые пути русских купцов ханты хорошо знали и очень часто нанимались проводниками к беглецам.

Побеги часто фигурируют в воспоминаниях хантов. Эти истории рассказывают либо только о том, как местные ханты, прекрасно знающие местность, проводили беглецов зимой через труднопроходимое болото, либо же о том, как ханты, помогавшие переселенцам, плохо кончали, так как становились жертвами репрессий. Другой частый мотив: семьи беженцев редко решались вести с собой через болото в зимний мороз маленьких детей, поэтому оставляли их местным переселенцам или хантам в надежде, что смогут вернуться за ними позже. Однако большая часть этих детей выросла в приютах.

Как бы это ни казалось удивительным, восстановленное в памяти время переселений пробудило и положительные воспоминания у моих собеседников-хантов. Это объяснимо тем, что на Васюгане никогда не было так много поселений, как в то время, а в поселениях никогда не было столько работы, заводов, как тогда. Сейчас, когда бывшие спецпоселения исчезли, и кроме как на добыче нефти практически нет никакой возможности прокормиться, оглядываясь назад, сороковые-пятидесятые годы, несмотря на всю нищету, кажутся перспективными годами развития.

Важнейшим пунктом воспоминаний хантов является то, что они сами значительно обеднели в период переселений. В 1930-е гг. в каждом вновь образованном поселении создавали колхоз, куда реквизируют их имущество, прежде всего скот. Переход скота в коллективную собственность полностью изменил образ жизни и жизненную стратегию хантов. Об этом рассказали удивительно точно один хант и выходец из свободной русской смешанной семьи. История говорит о том, что после конфискации имущества деды обоих вынуждены были отказаться от прежнего образа жизни, и, что интересно, оба они выбрали стратегию, противоположную той, которую от них ожидали: дед ханта уехал в новое селение, чтобы вести русский образ жизни, а дед русского уехал подальше от центра, вглубь тайги, чтобы продолжать жить по-хантыски.

Помимо реквизиции скота, ханты также столкнулись с трудностями в рыболовстве и охоте. Переселенцы полностью освоили территории, которые ранее были местом жительства и охоты хантов. Местность стала перенаселенной, ее природный потенциал перестал удовлетворять в несколько раз выросшее население. Не только образование поселений, но и хозяйственная деятельность «спецов» почти во всех случаях составляла конкуренцию образу жизни хантов. Для строительства деревень и разбивки пахотных земель вырубали леса, находившиеся на охотничьих территориях хантов. Лесоразработки огромного масштаба еще сильнее сократили пригодные для охоты территории. Переселенцы сетями методично вылавливали рыбу из озер, сократив до минимума ее поголовье. Резко возросло количество желающих выжить за счет охоты или получить дополнительную прибыль от нее, что сократило число диких животных.

В своей работе я проследил, как сформировалась система взаимоотношений между обществом большинства и общинами коренных жителей в Западной Сибири, рассмотрев такой исторический катаклизм, как переселения, результатом чего стали параллельные потрясения, параллельные истории мученичества. Из сказанного выше очевидно, что между хантами и переселенцами существовала тесная связь. Каждый народ в значительной мере оказывал влияние на другую сторону. Система взаимоотношений, несмотря на то что о них вспоминают как в основном о беспроblemных, довольно многогранна, и воспоминания часто противоречат друг другу. Какофония в некоторых воспоминаниях, несомненно, является следствием разницы личного опыта, различных позиций и нарратив-

ных стратегий. Это не сбой в системе, а система сбоев, это сама будничная Жизнь.

Однако есть, несомненно, общий элемент во всех этих историях: истории переселенцев и хантов в период депортации тесно переплелись на уровне личных воспоминаний. В этом слое воспоминаний можно проследить огромное количество – хороших или плохих – связей, тематических наложений, взаимных рефлексий. Можно сказать, что ханты, если и не во всех случаях, но обычно являются частью личной памяти переселенцев. Это важно подчеркнуть потому, что, как я указал в начале настоящей работы, ханты абсолютно не являются частью официальной, публичной памяти региона. По мнению официальной региональной мемориальной политики, их прошлое не имеет веса, более того, это помехи на заднем плане в героической истории основного объединенного памятью общества, в создании его нарративной идентичности. Таким образом, не только образ жизни, жизненный мир хантов были принесены в жертву переселенцам, но и память о них. Так же, как они были вытеснены со своих прежних земель растущими деревнями, так их вытеснили и из официального канона памяти. Не только их образ жизни должен был исчезнуть, но и его следы и памятники.

Стоит задуматься и о том, чем еще можно объяснить, что судьба хантов сложилась таким образом. Потому что не совсем понятно, почему ханты оставались пассивными свидетелями всего происходящего, почему они никак не выступили против, как сделали это в некоторых случаях в других местах [8]. В чем причина пассивности, мирной капитуляции живущих на Васюгане?

Как мы видели, за время переселений на Васюган привезли несколько десятков тысяч человек, которые нуждались практически во всем: у них не было достаточно продуктов питания, одежды, было минимальное оснащение, и они плохо разбирались в местной практике самосохранения. Эти борющиеся за выживание нищие люди вызывали в основном жалость у местных хантов, которые пытались оказать помощь переселенцам. Другими словами, этот огромный людской поток, бесповоротно изменивший демографические условия на Васюгане, был не пышущим силой, побуждающим к сопротивлению большинством, а слабой, зависимой, брошенной на произвол судьбы массой нуждающихся людей. Этому большинству невозможно было идти наперекор, сопротивляться, бунтовать против него, скорее, к переселенцам испытывали жалость, сочувствие, желание помочь. Расстояние между хантами и переселенцами сократилось и вследствие того, что так или иначе и те и другие превратились в игрушку советской власти, эта власть переплела их судьбы в одну общую судьбу нищеты и бессилия. Кроме того, любое сопротивление стало практически невозможным из-за начавшейся вскоре Великой Отечественной войны, моральное давление которой исключило всякое возможное сопротивление.

Иными словами, ханты практиковали исключительно слабую стратегию сопротивления [9]. И когда благодаря перестройке у них появилась политическая возможность заявить о своих интересах, в хантах уже не было настоящего политического капитала, и они не смогли выступить как проводящая свои интересы группа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О публичных дискурсах Томской области и Каргасокского района, о важнейших форумах и особенностях подробнее см.: [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская Ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.
2. Макшеев В.Н. Слепы: исследование. Томск: СК-Сервис, 2007. 180 с.
3. Монголина Н.Г. Историческая справка о репрессиях 30–40-х гг. XX. века. Очерк по истории сталинских репрессий // Гуманитарная экспедиция. Прощение и память 2006–2007 г. Томск: Красное знамя, 2008. С. 8–14.
4. Alexander J.C. Toward a theory of Cultural Trauma // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 1–30.
5. Renan E. Mi a nemzet? // Eszmék a politikában: a nacionalizmus. Pécs: Tanulmány Kiadó, 1995. P. 171–187.
6. Assmann A. Funktionsgedächtnis und Speichergedächtnis. Zwei Modi der Erinnerung // Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: Verlag C.H. Beck, 1999. S. 130–145.
7. Nagy Z. Hantik vagy hantik? Diskurzusok között vergődve // Ethnographia. 2016. 127. évf. 3.szám. Ol. 79–100.
8. Лезте Арт. Казымская война: восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту: Вали Пресс, 2004. 286 с.
9. Scott J.C. Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven; London: Yale University Press, 1985. 411 p.

Zoltan Nagy, University of Pécs (Pec, Hungary). E-mail: nagy.zoltan@pte.hu

PARALLEL LIFE-STORIES: DEPORTED PEOPLE AND KHANTIES IN WESTERN SIBERIA

Keywords: Khamty; deportations; remembrance; cultural trauma.

The currently prevalent “master narrative” of the political relocations of the 1930s–‘50s only highlights the suffering of the deported; in this “suffering” there is no room for the native people who had been living in the area prior to the deportations, whereas the period of relocations was a grave shock for the Khanties as well. From the decisive majority, they turned into an insignificant minority within just over a decade: they practically dissolved in the majority society settled among them.

The period of resettlement caused suffering for the aborigines and the deported alike, both are parts of the “Vasyugan Golgotha”. The two stories are not antithetical but complementary.

In my paper I analyse only oral recollections. It is the outcome of my fieldwork along the Vasyugan river between 1992 and 2012; which is a large amount of written diary notes and the transcription of about 50 hours of interviews.

I focus on themes that expressly touch on the interrelation between the two groups. I arrange the relations between the Khanty and the deportees around a few thematic nodes. Some narratives are overtly about the contacts between the two groups. The stereotypes they had entertained about each other are discussed here. A salient theme appears to be the fact that without the Khanty help the deportees would not have been able to survive. This help was sometimes quite unselfish, at other times it was like a speculated barter transaction,

at again other times it was permanent harassment embittering everyday routine. The theme of mixed marriages is to be covered in this section. The next topic is the attempts of the deportees to escape. In successful and unsuccessful attempts to flee, Khanty feature as guides risking their lives. Finally, I analyse what possibilities there are in the Khanty stories for the evaluation of the period of translocations.

It can be concluded from my analysis that there were strong interactions between the Khanty and the deportees, both parties exerting a great influence on each other's lives. The network of relations is many-sided in the memory of both the deported and the Khanties. This cacophonous set of memories is an outcome of different personal experience, diverse positions of recollection and different narrative strategies. It does not mess up the system: it is the system of mess itself.

I am convinced that in these stories it is easy to discern the dynamism that was decisive in the relationship between the aborigines and the deported social majority groups in Western Siberia in the middle of the 20th century, and this is the foundation of their present-day system of relations, too.

REFERENCES

1. Krasilnikov, S. (2003) *Serp i Molokh. Krest'yanskaya Ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.
2. Maksheev, V.N. (2007) *Spetsy : issledovanie* [Deported people: The Research]. Tomsk: SK-Servis.
3. Mongolina, N.G. (2008) Istoricheskaya spravka o repressiyakh 30–40-kh gg. XX veka. Ocherk po istorii stalinskikh repressiy [Historical information about the repressions of the 1930 – 1940s. Essay on the history of Stalinist repressions]. In: Khmeleva, A.P. (ed.) *Gumanitarnaya ekspeditsiya. Proshchenie i pamyat' 2006–2007 g.* [Humanitarian expedition. Forgiveness and Memory, 2006–2007]. Tomsk: Krasnoe znamya. pp. 8–14.
4. Alexander, J.C. (2004) *Toward a Theory of Cultural Trauma*. In: Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Smelser, N.J. & Sztompka, P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. pp. 1–30.
5. Renan, E. (1995) *Mi a nemzet?* In: Breter, Z. (ed.) *Eszmék a politikában: a nacionalizmus*. Pécs : Tanulmány Kiadó. pp. 171–187.
6. Assmann, A. (1999) *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. Munich: C.H. Beck. pp. 130–145.
7. Nagy, Z. (2016) Hantik vagy hantik? Diskurzusok között vergődve. *Ethnographia*. 127(3). pp. 79–100.
8. Leete, Art. (2004) *Kazym'skaya vojna: vosstanie khantov i lesnykh nentsev protiv sovetskoy vlasti* [Kazym war: the uprising of the Khanty and the forest of the Nenets against the Soviet regime]. Tartu: Vali Press.
9. Scott, J.C. (1985) *Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven; London: Yale University Press.